

Е.Н.Басовская

Гимн Человеку

В 1902 г. Горький написал пьесу «На дне», которая была немедленно поставлена на сцене Московского Художественного театра и имела колоссальный успех. Вообще горьковская драматургия, ничуть не похожая на чеховскую, оказалась тем не менее так же современна, так же востребована зрителем.

Что в первую очередь отличало Горького от Чехова-драматурга? Несомненно, иная мера авторского «присутствия» на сцене. Чехов давал минимум ремарок, причем почти все они были очень короткими.

Сравним первые страницы пьес, поставленных Станиславским с разницей менее чем в два года, — «Трех сестер» Чехова и «На дне» Горького.

Чехов предваряет первое действие относительно обширной ремаркой:

«В доме Прозоровых. Гостиная с колоннами, за которыми виден большой зал. Полдень; на дворе солнечно, весело. В зале накрывают стол для завтрака. Ольга в синем форменном платье учительницы женской гимназии, все время поправляет ученические тетрадки, стоя и на ходу; Маша в черном платье, со шляпкой на коленях, сидит и читает книжку; Ирина в белом платье, стоит задумавшись».

Итак, определены время суток, погода, дано некоторое представление об обстановке, названы цвет одежды и занятие каждой из героинь. Остальное — дело режиссера. Ему решать, кто накрывает на стол и какую именно посуду ставит, в какой позе сидит Маша, в чем именно проявляется задумчивость Ирины и так далее.

Горький, в отличие от Чехова, старается всю ответственность взять на себя, оставляя режиссеру, художнику, актерам минимум творческой свободы:

«Подвал, похожий на пещеру. Потолок — тяжелые, каменные своды, закопченные, с обвалившейся штукатуркой. Свет — от зрителя и, сверху вниз, — из квадратного окна с правой стороны. Правый угол занят отгороженной тонкими переборками комнатой Пепла, около двери в эту комнату — нары Бубнова. В левом углу — большая русская печь; в левой — каменной — стене — дверь в кухню, где живут Квашня, Барон, Настя. Между печью и дверью у стены — широкая кровать, закрытая грязным ситцевым пологом. Везде по стенам — нары. На переднем плане у левой стены — обрубок дерева с тисками и маленькой наковальней, прикрепленными к нему, и другой, пониже первого. На последнем, перед наковальней, сидит Клещ, примеривая ключи к старым замкам. У ног его — две большие связки разных ключей, надетых на кольца из проволоки, исковерканный самовар из жести, молоток, подпилки. Посередине ночлежки — большой стол, две скамьи, табурет, все — некрашеное и грязное. За столом, у самовара, Квашня хозяйничает, Барон жует черный хлеб и Настя, на табурете, читает, облокотясь на стол, растрепанную книжку. На постели, закрытая пологом, кашляет Анна. Бубнов, сидя на нарах, примеряет на болванке для шапок, зажатой в коленях, старые, распоротые брюки, соображая, как нужно кроить. Около него — изодранная картонка из-под шляпы — для козырьков, куски клеенки, тряпье. Сатин только что проснулся, лежит на нарах и — рычит. На печке, невидимый, возится и кашляет Актер. Начало весны. Утро».

Горький берет на себя функции не только авторские, но и режиссерские. Это совершенно закономерно. Если Чехов старался во всем полагаться на читателя (или зрителя), то Горький по природе своей был пропагандистом и агитатором; он обращался к публике, чтобы убедить ее в том, что сам считал правильным. Он не любил недосказанности, нечеткости авторской позиции. Его книги всегда были глубоко публицистичны; в каждой содержится более или менее явный призыв к тем или иным действиям.

То же относится и к пьесам, причем в них пафос убеждения делается еще более отчетливым. Поэтому Горький и писал так, будто не знал о существовании режиссерской

профессии. Автор хотел, чтобы со сцены не просто звучали его слова, — он заранее продумывал каждую деталь обстановки, каждый жест актера, чтобы добиться максимального эффекта в воздействии на зрителя.

Что же внушает публике пьеса «На дне»? Прежде всего — отвращение ко лжи и стремление к правде. И помимо этого, — любовь к Человеку, восхищение его природной мощью и безграничными возможностями. Парадокс: избрав в качестве материала грязную, жестокую, безотрадную жизнь в ночлежке, Горький написал гимн высоким человеческим качествам. По крайней мере, хотел написать. Получилась же у него вещь неоднозначная, заставляющая задуматься и не дающая, вопреки авторским намерениям, простых ответов на сложные вопросы.

В основе сюжета пьесы — появление в ночлежке странника Луки. Загадочный старик приходит в подвал, где ютятся нищие, убогие, утратившие надежду на лучшее люди: вор Васька Пепел, рабочий Клещ и его больная жена Анна, проститутка Настя, спившиеся интеллигенты Актер и Сатин и другие. У всех разные характеры и судьбы, но одно их объединяет: им давно уже никто не говорил доброго слова. Им плохо не только потому, что они бедны, или больны, или гонимы. Страшнее всего — одиночество, отверженность.

Когда в ночлежку приходит странник «с палкой в руке, с котомкой за плечами, котелком и чайником у пояса», его встречают так же неласково, как и любого другого, переступившего этого порог:

Лука. Доброго здоровья, народ честной!..

Бубнов. Был честной, да позапрошлой весной...

Но Луку недоброжелательностью не смудишь: его, как он сам объясняет, «*мяли много, оттого и мягок...*» Впрочем, не так уж он и мягок, как кажется на первый взгляд. Он способен дать отпор обидчику, только не резко, без драки и крика. Тонкая ирония старика ставит в тупик полицейского Медведева.

Медведев. Как будто я тебя не знаю... Лука. А остальных людей — всех знаешь?

Медведев. В своем участке я должен всех знать... а тебя вот — не знаю.

Лука. Это оттого, дядя, что земля-то не вся в твоём участке поместилась... осталось маленько и опричь его...

Мягкость Луки — это не слабость, не форма самозащиты. У него своя философия, укладывающаяся в формулу «*если кто кому хорошего не сделал, тот и худо поступил*». А «хорошее», по мнению Луки, заключается прежде всего в добром, ласковом слове. Едва появившись в ночлежке, он начинает всех утешать: Анну уговаривает не бояться смерти и обещает вечный покой, Актера убеждает, что для алкоголиков есть прекрасные больницы, Пеплу предлагает начать новую, трудовую жизнь в Сибири... Лука вовсе не глуп и наверняка сознает, что ни у Актера, ни у Васьки, ни у других обитателей подвала нет практически никаких шансов подняться со дна жизни. Но для него важны не поступки людей, а их внутреннее состояние. Он как врач, который видя, что болезнь неизлечима, стремится хотя бы избавить пациента от боли.

Лука — созерцатель и мыслитель, а не деятель. Его участие в происходящем ограничивается задушевными разговорами, которые он ведет почти с каждым. Когда же в ночлежке случается драка и Сатин зовет старика идти вместе с ним в свидетели, Лука отвечает: «*Какой я свидетель! Куда уж...*» — и исчезает. Это очень важный и, вероятно, точно просчитанный Горьким сюжетный ход. Старик уходит именно тогда, когда его присутствие важнее всего: Василиса избил и обварила кипятком сестру, Васька Пепел в ярости нанес смертельный удар Костылеву и арестован как убийца. Лука не желает вмешиваться в происходящее, и это дискредитирует его в глазах читателя или зрителя. Странник-утешитель выглядит трусливым болтуном.

Что же противопоставлено его философии? Иную систему взглядов представляет в пьесе бывший телеграфист Сатин. Он смеется (правда, добродушно) над Лукой, сравнивая его с «мякишем для беззубых». Два важнейших принципа странника — жалеть и утешать — неприемлемы для Сатина, потому что, по его мнению, унижают человека. И даже не человека, а Человека — с большой буквы.

«Человек — вот правда! — патетически заявляет Сатин. — ...Кто слаб душой... и кто живет чужими соками, — тем ложь нужна... одних она поддерживает, другие — прикрываются ею... А кто — сам себе хозяин... кто независим и не жрет чужого — зачем тому ложь? Ложь — религия рабов и хозяев... Правда — бог свободного человека!»

Чуть позже он продолжает:

«Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они... нет! — это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном!.. Это — огромно! В этом — все начала и концы... Всё — в человеке, всё для человека!.. Человек! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Человек! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо!»

Этот монолог давно стал классическим. Его часто цитируют как отражение взглядов Горького. В принципе, это верно, но необходимо делать поправку на то, что прекрасные слова о человеке произносит нетрезвый ночлежник, обращаясь к таким же, как он, опустившимся людям.

В рассуждениях Сатина есть чрезвычайно важный логический ход. Восхищаясь величием Человека, он подчеркивает, что имеет в виду не себя, не своих собеседников, не конкретную личность, а некое обобщение («ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет... в одном»). Ход мысли, типичный для многих революционеров-утопистов, за которыми следует в данном случае Горький. Поступки отдельных людей часто неблагоприятны, но человечество в целом разумно и способно идти путем прогресса. Потому и необходимо переустройство общества. Если правильно организовать социальную жизнь, в каждом конкретном человеке пробудятся не худшие, а лучшие качества, заложенные в его природе.

Прославляя Человека, Сатин забывает о реальности. Ему кажется, что он против утешительной лжи, но в действительности он склонен к идеализации гораздо более, чем Лука. Тот, по крайней мере, видел в любом, с кем общался, живую индивидуальность. Поэтому ему и удалось найти для каждого берущие за душу слова. Сатин же, превознося Человека, не любит и не уважает отдельных людей. Барон начинает рассказывать ему о своей несчастной судьбе — и не встречает сочувствия:

Барон. ... Служил в казенной палате... мундир, фуражка с кокардой... растратил казенные деньги, — надели на меня арестантский халат... потом — одел вот это... И всё... как во сне... а? Это... смешно?

Сатин. Не очень... скорее — глупо...

И даже узнав о самоубийстве Актера, Сатин досадливо произносит: «Эх... *испортил песню... дур-рак!*» Ему жаль не погибшего человека, а утраченный прекрасный миг, когда песня позволила всем хоть на миг забыть о своем ничтожестве.

Пьеса «На дне» построена как система зеркал: трудно сразу понять, где сам человек, а где его отражение. Сатин представляется, на первый взгляд, защитником беспощадной правды, а оказывается, что он и есть главный мифотворец. Лука лгал в малом, но был честен в своей любви и жалости к людям. Сатин же идет против правды в самом главном: он вообще не желает видеть реальных людей, строя всю свою философию на вымышленном образе совершенного Сверхчеловека.

Горький, как честный художник, дал право голоса каждому. Он не стал облагораживать Сатина и чернить Луку, хотя сам, безусловно, склонялся к идеалистическому представлению о человеческой природе. Внутренне он всегда был на стороне Человека —

сильного и прекрасного победителя. О нем написана и одноименная поэма, в которой Горький через год после появления пьесы «На дне» развил ее основные мысли:

«Вот снова, величавый и свободный, подняв высоко гордую главу, он медленно, но твердо-ми шагами идет по праху старых предрассудков, один в седом тумане заблуждений, за ним — пыль прошлого тяжелой тучей, а впереди — стоит толпа загадок, бесстрастно ожидающих его... Так шествует мятежный Человек — вперед! и выше! все — вперед! и выше!»

Писатель признавал и разделял не всякую любовь и не ко всякому человеку. Он был уверен, что любовь надо заслужить, а выразиться она должна не в добрых словах, а в решительных действиях. По мнению Горького, человеколюбие теряло смысл в условиях антигуманного общества. И начинать борьбу за счастье человека следовало с разрушения старого мира.